

воспринимаются как зримые за счет своей синестетической природы. Рассказ демонстрирует освоение игровых приемов в построении художественного пространства, в котором неявленное ирреальное присутствует в каждой части видимого «яркого» мира.

Литература

Набоков В. В. Удар крыла // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 35–54.

Набоков В. В. Из стихотворений, не вошедших в прижизненные сборники // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2009. Т. 2. С. 554–601.

Барбартло Г. Призрак из первого акта // Звезда. 1996. № 11. С. 140–145.

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В.В. Собрание сочинений: в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 9–25.

Успенский Б. А. Поэтика композиции (Структура художественного текста и типология композиционной формы). М. : Искусство, 1970.

УДК 821.161.1-313.2(Глуховский Д.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444

М.В. Барсегян

*(Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь)*

КВАЗИНОМИНАЦИЯ В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ Д. ГЛУХОВСКОГО «БУДУЩЕЕ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности квазиноминации в романе Д. Глуховского «Будущее». Указываются такие ее функции, как подмена понятий, первым этапом которой может выступать смена оценок. Традиционная функция квазиноминации – проявление власти – реализуется в том, что, «подправив» генетический код, человек сам даёт всему своему роду новое имя, но при этом личное имя могут отнять и заменить номером.

Квазимия и маска являются тождественными понятиями. Возврат к подлинной жизни невозможен без возвращения Имени.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, романы-антиутопии, квазиноминация, будущее, литературное творчество, анализ литературного произведения.

Для традиционных культур, в первую очередь для культур народов, принадлежащих к религиям Писания, характерно фидеистическое отношение к слову, которое проявляется в отождествлении вещи, предмета, и её названия – имени. В русской научной литературе термин «имя» понимается широко. «Философия имени» – направление философской мысли, которое разрабатывалось с 20-х гг. прошлого века такими известными мыслителями, как П.А. Флоренский, С.Я. Булгаков, А.Ф. Лосев. Так, А.Ф. Лосев по этому поводу писал: «Имя – как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще – есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг также и всей жизни, не только философии. Без имени – было бы бессмысленное и безумное столкновение глухонемых масс в бездне абсолютной тьмы, хотя и для этого нужно некое осмысление и, значит, какое-то имя. Имя – стихия разумного общения живых существ в свете смысла и умной гармонии, откровение таинственных ликов и светлое познание живых энергий бытия» [Лосев 1999: URL].

Не случайно одной из характерных черт жанра антиутопии, рисующей мрачное будущее человечества, в противоположность утопии, становится **квазиноминация** (латинская приставка *quasi* – означает ‘как будто’, ‘будто бы’, присоединяясь к разным словам, придаёт им значение ‘мнимый’, ‘ненастоящий’). Одна из её функций – **подмена понятий**. Вещи получают не принадлежащие им имена, которые они не в праве носить. Так, свободой называется то, что на деле является рабством, счастьем – унылое, безрадостное существование. Мир таким образом оказывается «вывернутым наизнанку», как в Зазеркалье. Такой мир изображён в романе Д. Глуховского «Будущее». На «перевернутость» этого мира автор указывает недвусмысленно: «И в зеркале – перевернутый мир. Аккуратные кроны деревьев, которые висят в пустоте вверх тормашками,

падающие вверх апельсины, расхаживающие по потолку смешные мухи-люди, и опять трава – мягкая, зеленая, неотличимая от живой ничем, кроме того, что она неживая. Стены зеркальные тоже – поэтому создается иллюзия того, что сады Эшера покрывают весь мир» [Глуховский 2013: URL]. Недаром в тексте так часто употребляется частица «якобы» (синоним латинского quasi): «Пол выложен **якобы** камнем, стены отделаны **якобы** деревом» [Глуховский 2013: URL].

Как известно, «перевернутость» изображения в зеркале кроется не в природе вещей, а в нашем мозге, сознании. В художественном пространстве романа происходит адаптация героев к такому извращённому миру: «Остальных, конечно, ничто не смущает. Разрешение и объемность у проекций таковы, что человеческий глаз не способен различить подделку уже с пары десятков метров. Ничего; люди не заходят за ажурные ограждения, которыми обозначаются пределы комфортного самообмана» [Глуховский 2013: URL]. Для номера 717 – Яна Нахтигала, как и для большинства обывателей, искусственный мир лучше, предпочтительнее подлинного: «Начинка у дома – сверхсовременная, но скрыта она за самой настоящей латуnią и самой настоящей древесиной. С моей точки зрения – непрактично и неоправданно дорого. Композит стоит в десятки раз меньше, и он-то вечен» [Глуховский 2013: URL]. Здесь настоящее оценивается как отрицательное, а искусственное, подделка – как положительное, т.е. налицо **смена оценок**, с которой чаще всего начинается сдвиг в значении слова.

Однако у квазиноминации, помимо подмены понятий и смены оценок, есть и другая функция. С древних времён в традиционных культурах ономаст (тот, кто даёт имена вещам) считался хозяином вещи, приобретал над нею неограниченную власть. В противоположность праздничному карнавалному мироустройству Утопии, где имена и личности скрываются под маской ради всеобщего равенства и свободы, антиутопический миропорядок зиждется на жёсткой иерархии, прячущейся под личиной свободы. **Переименование** здесь является обязательным атрибутом, это **проявление власти**, которая претендует на божественное происхождение.

В романе Д. Глуховского в этом смысле «хозяева новой жизни» действуют тоньше, чем во многих других произведениях этого жанра. Они внушают, что в новом мире человек (как собирательный образ) приобретает подлинную свободу, сам даёт себе новое имя, «подправив» генетический код, творит сам себя: «Человек, сумевший взломать собственное тело, исправить смертный приговор, прописанный ему в ДНК бородастым натуралистом. Смогший перепрограммировать себя. Превратиться из чужой скоропортящейся игрушки – в существо, не подверженное тлену, всегда юное; наконец независимое; совершенное... Человек, переставший быть созданием и ставший создателем. Мы больше не *homo sapiens*. Мы – *homoultimus*... Не желающие быть чьей-то поделкой. Не собирающиеся дожидаться рассмотрения своего дела в застопорившейся бюрократической машине эволюции. Наконец взявшие собственную судьбу в свои руки. Мы – венец собственного творения» [Глуховский 2013: URL].

В «Будущем» каждый вправе считать себя равным Богу, но как далеко это понимание от христианского восхождения по ступеням Богопознания. Приступая к исполнению функций подавления естественных человеческих проявлений, «хранители правопорядка» надевают маски языческих богов: «Лицо на маске раньше принадлежало древнему изваянию Аполлона. Я знаю – видел саму статую в музее. Глаза у нее пустые, без зрачков – закатились или бельмами затянуло. Лицо холодное, бесстрастное, парализованное. Бесполое. Слишком правильные черты. Лепили его или с самого бога, или с красивого мертвеца. У людей – живых – таких лиц не бывает. ...теперь обезличены и обмундированы все девятеро» [Глуховский 2013: URL]. Маска прячет лицо, человек становится бесчувственным: «Девочка была в восторге. Даже поцеловала меня, но я был в маске и ничего не почувствовал. А потом за ней приехала спецкоманда» [Глуховский 2013: URL].

Человек без лица – это также человек без имени. Ян Нахтигаль утверждает, что маски носят «не ради анонимности, а ради свободы», но это **квазисвобода**. Так в преступном мире

избавляются от собственных имён, потому что проще идти на преступление.

По сути, организация, в которой состоит Ян, представляет собой карательный батальон. Чтобы подготовить к выполнению таких функций, незаконно появившихся на свет детей, отобранных у родителей, загоняют в интернат и лишают имён, присваивая числовой идентификатор: «У нас нет имен! В интернате разрешен только числовой идентификатор. Даже клички под запретом, и наказывают нарушителей беспощадно. У всех, кого как-то звали до попадания в интернат, имена отбирают и обратно выдают только при выпуске. Имя – единственная личная вещь, которую нам вернут при освобождении. А тех, кого сюда привезли еще безымянными, назовет как-нибудь старший вожатый, когда придет пора выпускаться из интерната. Если они дотянут до этого дня. Узнать имя другого из своей десятки можно только по одному случаю... На первом испытании. Услышал – и тут же забыл» [Глуховский 2013: URL].

Таким образом, в романе Глуховского **не переименовывают, а отнимают имя**, тем самым косвенно подтверждая его значение, **приравнивая имя к человеку**. Об этом смутно догадываются обитатели интерната: высшей степенью доверия между ними становится открытие другому своего имени: «Меня знаешь, как зовут? – наконец нерешительно говорит он. – Йозеф.– Ты рехнулся?! – шиплю я ему» [Глуховский 2013: URL].

Ещё один эпизод, который подтверждает **равенство имени и человеческой личности** – сцена в бассейне, когда Нахтигаль пытается спасти утопленника. Попытка начинается с наречения имени: «Надо бы его очеловечить. Дать ему имя, что ли. Пусть будет Фред; с Фредом делать это веселее, чем с неопознанным трупом мужчины» [Глуховский 2013: URL]. Желая сократить дистанцию в социальной иерархии (искренне или притворно), герои, относящиеся к верхам, при знакомстве называют своё личное имя: «Я знаю, кто вы. Мой муж немного задерживается, попросил меня вас развлечь. Считайте меня его авангардом. Я – Эллен. Она предлагает называть себя Эллен, но

это все игры в демократию. Госпожа Шрейер, вот как мне следует к ней обращаться, учитывая, кто такой я и чьей супругой является она <...> Не надо этого... Обращайтесь ко мне по имени. Вы же у меня дома, а дома я – просто Эрих. Теперь я киваю молча, не называя его никак» [Глуховский 2013: URL].

По сути, личное имя героя Эрих – это также квазиимя, которое надевается в удобный момент и снимается, когда выгодно другое. **Квазиимя и маска становятся абсолютными синонимами:** «В конце концов сенатор – это ведь просто одна из ролей, которые я играю, так? И не самая важная. Приходя домой, я выбираюсь из нее, как из делового костюма, и вешаю в прихожей. Мы все просто играем свои роли, и всем нам наши костюмы подчас натирают...» [Глуховский 2013: URL]. Шрейдер пытается доказать, что **личного имени, как и сути вещей не существует вовсе**, прибегая к словесной эквилибристике, однако сам прекрасно осознаёт тонкую грань между вещами и понятиями: «Вечная жизнь и бессмертие – это ведь не одно и то же. Вечная жизнь тут. – Он притрагивается к своей груди. – А бессмертие здесь. – Его палец касается виска. – Вечная жизнь, – он ухмыляется, – включена в базовый соцпакет. А бессмертие доступно только избранным. Разница такая же, как между человеком и животным. – Он вдруг снова являет мне свое пустое лицо. – Очевидная человеку и неочевидная животному» [Глуховский 2013: URL]. Обретя вечную жизнь, жители утопической Европы в самом деле теряют свою человеческую сущность. Известный фольклорный персонаж прошлого предлагал человеку сделку: богатство в этом мире в обмен на душу. В мире «Будущего» за бессмертие, похоже, заплачено Именем, а расплатой становится утрата души: «Ищу под маской зеленые глаза. Не вижу: в прорезях одни тени, одна пустота. И под моей собственной маской – пустота тоже» [Глуховский 2013: URL]. Попытка пробудить в герое человечность начинается также через взывание к личности (вспомним, что первичным каналом для вербальной информации является слуховой, письменность появилась позже): «Ты не хочешь это делать, да? Ты же нормальный

парень! Там, под маской... У тебя же там лицо есть! Ты просто послушай...» [Глуховский 2013: URL].

Таким образом, квазиноминация в романе Д. Глуховского «Будущее» играет важную роль. Во-первых, для неё характерна функция подмены понятия, одним из проявлений или этапов которой выступает смена оценок (что, в частности, произошло и в русском языке в 90-е г.г. XX века). Другая традиционная функция квазиноминации – проявление власти – у Д. Глуховского имеет свои особенности. Собирательное имя всему своему роду человек, победивший смерть, даёт себе сам, тем самым утверждая свободу и независимость от Бога. Однако его личное имя могут отнять на время, заменив номером. «Хозяева новой жизни» прекрасно осознают, что Имя равно человеческой личности. Квазиимья (личный номер или псевдоним) – абсолютный синоним маски, сорвать её – означает вернуть себе имя и стать по-настоящему свободным.

Литература

Глуховский Д. Будущее. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=21740&p=1 (дата обращения: 22.10.2017).

Лосев А. Ф. Философия имени // Самое само: Сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/ (дата обращения: 26.10.2017).

УДК 821.161.1-31
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-44

А.В. Голикова

*(Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия)*

**«ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ» В.Г. РАСПУТИНА КАК ПРЕ-ТЕКСТ
«ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ» Р.В. СЕНЧИНА**

Аннотация. В статье проанализированы интертекстуальные связи повести В.Г. Распутина и романа Р.В. Сенчина. Внимание автора статьи сосредоточено на сопоставлении символики заглавий произведений, системе образов, идейном наполнении текстов с